№ 1 МАР 1981
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
г. МОСКВА

«ТЕАТР ЛИЧНЫХ ЧУВСТВ»

ГОРЕСТНЫЕ ЗАМЕТЫ ОБ ОДНОМ КРИТИЧЕСКОМ ЭССЕ

УЖЕ ПЕРВАЯ строка этого сочинения настораживает: «Есенин — любимое имя в русской культуре XX века». Косноязычно, нескладно, но смысл, в общем, доходит.

Хуже дальше, где говорится о «свойствах творческой личности» поэта: «Есенин мог быть только тем, кем был, нашел в себе, так сказать, театр личных чувств». Вот этот «театр» не дает покоя автору на протяжении почти всего повествования. Об одном из ранних стихотворений, где герой выступает в образе странника, сказано: «Конечно, здесь проявились присущий Есенину артистизм, его страсть играть самого себя: странствовать в роли инока или бродяги; любуясь собой, своим костюмированным обликом, так удачно, как он считает, украшенным...»

Когда же дело доходит до «Москвы кабацкой» — книга Есенина под этим названием вышла, как известно, в 1924 году, — артистизм превращается в позерство: «Есть, разумеется, в сборнике позерство (тогда фатально звучат в ритмах Есенина ритмы совсем ему чужого Игоря Северянина, который позерство талантливо возвел в ранг поэзии). Одни позы лирического героя сборника отталкивают, другие привлекают мастерством исполнения...»

Вдумаемся, однако, и проштудируем снова книжку Валерия Нефедова «Читая Есенина», только что выпущенную в Минске издательством Белорусского государственного университета (на русском языке). Всерьез ли в ней утверждается, что творческая жизнь Есенина — это игра, позерство, «театр личных чувств»?

К сожалению, да, но говорится в ней не только об этом. Говорится и о том, что Есенин — «прирожденный лирик», что он «стал классиком социалистической литературы», что стихи его проникнуты «молитвенно-чистым чувством любви к родной земле, природе». Непонятно только, как связать все это с его «самодовольным актерством», или, скажем, с равнодушием к жизни («Этот сложный Есенин обнажил и бывшее в нем равнодушие к жизни...»), или с «автоматизмом его чувств», или с такой его особенностью, как «всматривание в несуществующее»?

Но попытаемся отсеять всю эту невнятицу и выделить хотя бы то, что отражает идейно-творческую эволюцию поэта, или то, что сам автор книжки считает своей творческой задачей. «У нас, — предуведомляет он, — нет задач, какие могли бы встать перед хроникером. Надо присмотреться к отдельным формам душевной реальности поэта».

Что касается идейно-творческой эволюции, то ее отражение в работе В. Нефедова изобилует множеством тривиальностей, вроде таких: «Строй творческой природы Есенина требовал обновления под влиянием изменяющейся социальной обстановки». Вслед за циклом «кабацких» стихов Есенин «издает сборник «Страна Советская», насыщенный рассужденьями». Тема последних произведений Есенина — «стремление сочетать русское сердце с социалистическим мышлением...»

Поэма «Анна Снегина» и «по сей день волнует читателя мыслью о необходимости выбора каждым советским гражданином активной жизненной позиции».

Еще сложнее обстоит дело с выполнением второй и, по-видимому, наиболее важной для автора задачи: «присмотреться к отдельным формам душевной реальности поэта».

Очень тронуло критика, например, то, что в одном из стихотворений Есенин «чрезвычайно трезво оценил свой духовный багаж, нашел в своей судьбе общечеловеческий смысл. Ссылку на общечеловеческие законы, определяющие и его, Есенина, судьбу он выразил в чудесных образах, так сказать, настраивающих наши эмоции». Относительно образов, «настраивающих наши эмоции», еще более изысканно сказано в комментарии к стихотворению «Ну, целуй меня, целуй...»: «В такой словесной живописи предметность видимого растворяется в лиризме зыбкого и хрупкого душевного состояния, так сказать, эмоционального вещества».

Вообще, авторский комментарий к отдельным произведениям — одна из самых примечательных особенностей стиля В. Нефедова. Разбор стихотворения «Сторона ль ты моя сторона!» предваряется, например, такими словами: «Внутреннюю болезненность Есенин настойчиво оформляет в отталкивающе-придуманные образы». Процитировав далее шесть строк, в том числе слова: «А фонарь то мигнет, то захохочет безгубой своей головой», критик заключает: «Мастер подвижным ритмическим рисунком («захохочет») дает возможность ощутить противоестественность этого смеха». Сродни сему и комментарий к одному из ранних стихотворений поэта: «Удивительно в заглавной строке: Нощь и поле, и крик петухов... — Сочетание непосредственных ощущений с архаизмом, именно этим достигается особая прелесть художественного впечатления какой-то древней ночи, которая — как самозабвение».

Для тех читателей, кто усомнился бы в авторской эрудиции, дается богатый пояснительный аппарат. Он состоит из семнадцати подстрочных примечаний, большинство которых представляет собою цитаты из разных источников, иллюстрирующих основной текст. Перечислим цитируемых авторов (в постраничном порядке): В. Белинский, С. Сартаков, Ю. Олеша, А. Матисс, С. Моэм, И. Бунин, Г. Мопассан, М. Булгаков, И. Тургенев. В самом тексте цитируются также: А. Моруа, Саша Черный, Эдгар По, Л. Толстой, А. Чехов, В. Борисов-Мусатов (заметим, кстати, что в книжке всего 46 страниц). Ни одна из этих цитат к исследуемому предмету, то есть к творчеству Есенина, никакого отношения не имеет. Зато многие из них весьма живописно иллюстрируют отдельные слова и выражения, встречающиеся в стихах поэта, или же высказывания самого критика.

В. Нефедов, например, пишет: «Есенин мыслит свежерозистыми словами-красками. Он не описывает, но материализует в красках психологический тонус девушки». Как представить себе в красках этот самый «психологический тонус», судить не беремся, но раз автор обронил слово «краски», то в специальной сноске сообщает, что писал о красках А. Матисс.

А вот как комментируются стихи. К строкам Есенина: «Синий свет, свет такой синий! В эту синь даже умереть не жаль» — дается следующее пояснение: «Если Мопассан всем чувствам, какие внушала ему луна, предпочитал «сентиментальную грусть» («На воде» пер. Б. Горнунга), то Есенин под лунным воздействием достигал края эмоционального напряжения».

На обороте титульного листа книжки В. Нефедова значится: «Рецензент В. Д. Берестов, член Союза писателей СССР». Естественно возникает вопрос: а читал ли поэт Валентин Берестов то, что он рецензировал, или хотя бы то, что процитировали мы?

И. ЭВЕНТОВ

ЛЕНИНГРАД